

Родословная Андрея Алексеева: по крови и духу К 85-летию со дня рождения

Борис Докторов

С благодарностью Зинаиде Вахарловской
Владимиру Костюшеву

Я помню, как Андрею Николаевичу Алексееву (1934-2017) исполнялось 40 лет, 50, 60, 70 и 80 лет. Он много сделал и многое делал до последнего момента жизни. Как рабочий на заводе: ежедневно и полную смену. И даже больше. Постоянные сверхурочные, переработки, без выходных и отпусков. Алексеев начал свои социологические поиски, когда многих его коллег-журналистов слово социология, по крайней мере, настораживало, буржуазное оно было. Он внедрял в нашу практику контент-анализ и качественные методы. Прошли годы, и он ввел в отечественную социологию «многообразие», он первым начал соединять в нечто единое, цельное научные тексты, эссе, письма и документы. Это очень трудно: нужны смелость и чувство меры, гармонии. Прошло еще несколько десятилетий и Алексеев стал первопроходцем в ведении постоянной колонки на информационно-аналитическом портале «Когита.Ру». Так его социологическая и гражданская деятельность приобрели высокую публичность.

Коллеги-друзья об А. Н. Алексееве

Ровно 10 лет назад, накануне 75-летия Алексеева «Социологический журнал» опубликовал мою статью «Скала Алексеева» [1]. Она начиналась с подборки высказываний наших известных социологов об Алексееве. Приведу их, ведь сегодня это — уже наша история.

Татьяна Заславская: «...А.Н. Алексеева я знаю с конца 1960-х годов, еще по Новосибирску. Уже там он успел проявить себя и как глубокий исследователь, и как убежденный демократ, отстаивавший прогрессивные ценности в борьбе с авторитарным режимом. В дальнейшем же он стал одним из наиболее ярких и известных российских социологов».

Владимир Шляпентох: «...Алексеев был моим ближайшим сотрудником в Новосибирском Академгородке... А.Н. Алексеев принадлежит к очень небольшой группе истинно творческих ученых, постоянно вовлеченных в инновационный процесс в науке. ...Мое глубокое восхищение Алексеевым вызвано не только его высоким статусом в реальной науке. ...Я, пожалуй, почти не могу назвать никого, кроме покойного Юрия Левады, кто бы так горел желанием внести свой вклад в прогресс общества, что мог бы пожертвовать ради этого своей карьерой и благополучием».

Борис Фирсов: «...Наш атеизм не позволяет заимствовать слова из иного лексикона, но Андрей в реальности борец-великомученик. Его отличает способность противостоять любым вызовам времени, в котором он живет, и оставаться самим собой. Я знаю мало людей, которые выходили победителями из сражений с системой. Есть люди, которые посмели усомниться в научности четырехкнижия Андрея. Думаю, что это от их неспособности «парить» на высотах, где торжествует его талант и дух».

Владимир Ядов: «Я особенно высоко ценю «четы-

рехкнижие» Андрея Алексеева, его методологию провоцирующего наблюдения, которую Андрей разработал и блестяще применил задолго до Алана Турена. Поступив на завод слесарем-расточником, Андрей выявил практики рядовых рабочих и администрации, о которых мы знали лишь по присказке «они делают вид, что платят нам, мы делаем вид, что работаем». Он провоцировал действия начальства, скрупулезно описал реакции на собственную рационализаторскую инициативу, впервые строго социологически исследовал систему неформальных правил, которые всеобщие приняты вместо прописанных».

Разве все эти оценки известных в нашем профессиональном цехе людей — не повод гордиться своим делом?

Ровно два года назад я прислал Алексееву мое поздравление с его 83-летием и просил опубликовать текст в его блоге на сайте Когита.Ру. Он выполнил мою просьбу, сопроводив текст своим комментарием: «Сегодня получил письмо: «Андрей, буду рад прочесть приложенный текст в Когите Борис Докторов». Письмо содержало повод для конфликта интересов. С одной стороны, еще не было случая, чтобы я не опубликовал присланный мне моим другом и коллегой и непременно автором Когита.ру текст. С другой стороны, текст посвящен... самому публикатору, да еще поздравительный. В конечном итоге дружба одержала верх над скромностью блогера. И вот это эмоциональное, но и концептуальное эссе. А. А.».

Полный текст моего поздравления опубликован, потому приведу лишь несколько предложений из него [2]:

«Дорогой Андрей, тебе удалось сделать, нет, не так... тебе удастся делать удивительное.

Своими работами последних десятилетий ты — несоизмеримо больше других отечественных социологов — показываешь, доказываешь, отстаиваешь личный характер социального познания. «Драматическая социология...» — это глубокий анализ отношения

к труду рабочих в период, когда лишь очень немногие открыто требовали перемен. И верили в них.

«Профессия — социолог» (сделанная вместе с твоим другом и единомышленником, украинским социологом Романом Ленчовским) — это многомерное рассмотрение ключевых процессов, происходящих в нашем профессиональном сообществе.

Но это не все. Этими и более поздними работами ты отстаиваешь свое право и право социолога на публичный разговор о том, что и как болит в нем как в личности и в гражданине».

Но теперь пришло время для иного жанра, мемуарно-аналитического и это будет уже в ближайшее время.

Большая семья Андрея Алексеева

Оставленный Алексеевым всем нам огромный информационно-вещных архив, который разбирают и систематизируют его вдова — Зинаида Вахарловская и коллега и друг — Владимир Костюшев, представляет огромной цены материал для различного рода историко-социологических, науковедческих, общекультурологических и собственно историко-биографических поисков. В них: в дневниках, семейных и личных документах, в школьных тетрадях и студенческих конспектах, в статьях журналиста и потом социолога Алексеева, в его много корреспондентской переписке, в недавно найденной папке его борьбы и победы с КГБ — жизнь отдельного, но уникального человека. Он поставил над собой редкостный социальный эксперимент — самонаблюдение продолжительностью в жизнь. Уже одно это позволяет говорить о «Феномене Алексеева».

Сейчас коснемся лишь на одного аспекта жизни и личности Андрея Алексеева, который можно назвать его родословной по крови и духу. Мне не известно, кто из российских социологов так обстоятельно и документально изложил свою предбиографию. Я имею в виду написанную Алексеевым многопоколенную, населенную большим числом родственников семейную сагу «Корни и ветви (XVIII — XXI век)» [3].

Действительно, начало этой семейной повести восходит к прапрадеду Алексеева — известному русскому металлургу, томскому губернатору Павлу Петровичу Аносову (1796-1851). Однако, главным героем этого воспоминания-изыскания является мама Андрея — Варвара Петровна Пузанова (1899-1963), принадлежавшая к двум дворянским родам: Пузановых и Амосовых. В анкетах, листках по учету кадров она писала о своих родителях: «сословие — дворянство». По происхождению и воспитанию она должна была быть человеком искусства, но стала инженером-тракторостроителем. Алексеев отмечает, что в относительно молодом возрасте она выдвинулась в число ведущих отечественных специалистов в области допусков и посадок. Замечу, что отец Алексеева — Николай Николаевич Алексеев (1904 — 1974) тоже был инженером-технологом.

В интервью, проведенном мною с Алексеевым в 2006 году, он несколько расширил характеристики своих родителей: «Мать была типичным интравертом, отец — экстравертом. Мать — считала себя как бы человеком «из прошлого века» (она родилась в декабре 1899 г.; характерно, что для души она читала почти исключительно старых французских авторов, причем в оригинале); отец же — на 4 года моложе матери — типичный «сын XX века». [4, с. 256].

Но родиться в семье с такой историей — далеко не все, еще надо было осознать собственную принадлежность к этому «древу». В моем понимании, осознание

Алексеевым этого обстоятельства произошло в раннем возрасте и питало его на протяжении всей жизни. «Корни и ветви» можно отнести к редкостным, в высшей степени значимым для истории культуры, науковедения и биографики произведениям.

Родословная по духу

Теперь — кратко об алексеевской двухслойной родословной по духу. Она представлена им в пространном очерке «Учителя жизни. Триптих» [5], важном для понимания природы его творчества. Это — биографии трех ученых: Альберта Швейцера (1875-1965), А.А. Ухтомского (1875-1942) и А.А. Любищева (1890 — 1972). На рубеже 70-80-х годов Алексеев, по его признанию, искал теоретические и методолого-методические подходы к социологии жизненного пути, а нашел «новых учителей жизни». Алексеев видел в них «выходцев» из XIX века и, вместе с тем, его старших современников. Возможно, он планировал обстоятельно рассмотреть, что заставило его в поисках теоретической платформы задуманного социологического исследования, остановиться на трудах естествоиспытателей и философов-гуманистов, живших на рубеже XIX и XX веков, однако, не исключаю, что в одной из своих поздних работ он осветил эту тему. Мне же представляется, что сделанный Алексеевым выбор был принципиально биографичен, в нем обнаруживается влияние глубоких семейных традиций. Именно они определили не только главные черты деятельности Алексеева как ученого и гражданина, но его удивительное для нашего времени отношение к своей индивидуальной истории.

Обращу внимание на два обстоятельства. Первое — «новыми учителями жизни» Алексеева стали ученые из поколения, к которому относилась его мать, более того, она была лишь на девять лет старше А.А. Любищева. Второе — жизненные ориентиры Алексеев нашел не у классических философов, обществоведов, а у философов-гуманистов и профессионалов высочайшего уровня в естествознании.

В конце интервью 2014 года, когда Алексееву исполнилось 80 лет, мне показалось уместным задать ему следующий вопрос: «Этот год богат юбилеями наших коллег: 90 лет вскоре отметит С.А. Кугель, 85 лет недавно исполнилось В.А. Ядову и Б.М. Фирсову, немного опередили тебя в достижении 80 лет — Я.И. Гилинский и Б.И. Максимов. Мы знаем их десятилетиями, что бы ты мог сказать о них в целом и о каждом в отдельности?». Ответ получился развернутым, содержательным, приведу его полностью.

«Ты назвал имена не только уважаемых мною, но и глубоко симпатичных и близких мне людей. Так уж случилось, что и для них этот год «юбилейный». Я бы добавил к списку юбиляров года еще и покойного Б.А. Грушина, 85-летие со дня рождения, которого мы недавно отмечали. Для пояснения своего отношения к каждому из них воспользуюсь аналогией с родственными отношениями.

Владимир Ядов — «родитель», хоть и всего на пять лет старше меня. Без социолога Ядова вряд ли бы образовался социолог Алексеев, в его нынешнем качестве. Притом, что его научное руководство моей кандидатской диссертацией было скорее номинальным, во всяком случае — дистанционным. Я ведь начинал свои занятия социологией еще будучи аспирантом факультета журналистики. Уже гораздо позже и относительно недолго мне довелось поработать в ядовском коллективе, к 1980-м годам иррационально обновившемся.

Борис Грушин — «дядюшка», причем, думаю, он поначалу и не знал о существовании такого «племянника». Его «Мнения о мире и мир мнений» (1967), как мне уже приходилось говорить, были едва ли не первой моей социологической «азбукой». Моя попытка построения марксистской теории массовой коммуникации (социологический дебют!) концептуально преемственна скорее грушинскому «субъекту общественного мнения», чем ядовскому «Человеку и его работе» или «саморегуляции личности».

Еще более старшим «дядюшкой» является Самуил Кугель. Я ведь чуть не стал членом его команды в конце 60-х. Меня от этого удержала, только необходимость смены профессиональных интересов: социологии прессы на социологию науки.

Борис Фирсов — «старший брат», хоть в социологию мы пришли почти одновременно. И на протяжении десятилетий всегда активно сотрудничали, будь то социология средств массовой информации, социология театра или другие профессиональные сюжеты. Кстати, моя собственная комсомольская и партийная «карьер» 50-х — 70-х гг. была как бы ослабленной копией его.

Яков Гишинский — брат «двоюродный». Мы познакомились относительно поздно (уже в годы перестройки). Его профессиональные интересы (преступность, негативные девиации) мне не близки, хотя, особенно в последнее время Яков проявляет себя не просто как девиантолог, а как социальный мыслитель. В отличие от его исторического пессимизма, я — исторический оптимист. Но это различие никак не противоречит нашему «родству».

Наконец, Борис Максимов. Здесь хотелось бы высказаться подробнее. Юбилей Бориса — 27 марта — в этом году, к сожалению, прошел практически не замеченным коллегами. Надо сказать, что сам Борис, с его чуть ли не гипертрофированной скромностью, этому поспособствовал.

Я считаю Бориса одним из самых ярких и глубоких социологов своего поколения. Человека, который бы лучше знал предмет своих изысканий изнутри, я затрудняюсь назвать. Его книга «Рабочие в реформируемой России (1990-е — начало 2000-х годов)», вышедшая в издательстве «Наука» в 2004 году, — произведение, к которому и через десятилетия будут обращаться как историки социологии, так и историки общества.

В отличие от меня, с моим плюрализмом профессиональных занятий и интересов, он всю жизнь сохраняет верность своей главной теме: жизнь и труд рабочих, людей физического труда, социология труда, индустриальная социология. Его авторитет в этой исследовательской сфере, незыблем с 70-х гг. Руководитель социологической лаборатории Кировского завода, глава секции заводских социологов Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации (это в те времена). А вот в академических учреждениях его карьера складывалась непросто. Случилось так, что мы с ним в 80-х гг., после Института социально-экономических проблем, оказались работниками одного и того же завода — «Ленполиграфмаша», только я — в качестве рабочего, а он — в качестве инженера отдела НОТиУ (научной организации труда и управления). Причем я-то ушел из института на завод добровольно, а его — скорее «ушли». Как-то «белой вороной» воспринимало его тогдашнее институтское и партийное (а Б. М. был беспартийным) начальство. (Кстати, примерно тогда же этот институт вынуждены были покинуть и некоторые другие мои «родственники» — Ядов, Фирсов).

В своем интервью, которое Борис давал тебе несколько лет назад (Телескоп, 2007, № 443) он много пишет обо мне и даже сравнивает нас двоих, причем как бы не в свою пользу. В подглавке своего интервью «Драматический социолог в драматической социологии», он полушутливо-полусерьезно замечает: «...Он (Алексеев) хлебнул драматизма положения класса-гегемона, стоящего на нижней ступеньке, я — драматизма пролетариев умственного труда, как будто бы «командиров производства», но тоже не избавленных от драматизма, а проще — идиотизмов, одним из которых было кручение вхолостую, или скачки на месте. По идее, я должен был тоже написать свои «письма из отдела НОТ». Но мой драматизм, и таковой же заводских ИТР остался втуне, я ничего не написал. Меня даже в КГБ ни разу не вызвали, до сих пор гадаю — почему? Ведь я тоже читал «Письма» Алексеева, встречался с ним непосредственно у его знаменитого станка в то время, когда он (не станок, понятно) — прямо на заводе — писал свои «клеветнические измышления». У меня тоже, наверное, как у всех социологов, кое-что можно было обнаружить, если нагрнуть с обыском; и я постарался спрятать кое-какие материалы. Смешно вспомнить — одним из них были тексты докладов конференции по героической советской эпопее — строительству БАМа. Возможно, дело в том, что Алексеев написал, совершил действия — и потерпел, я не написал — и не потерпел. Но я-то прихожу к неутешительному для себя умозаключению — видимо, посчитали меня недостойным внимания столь крупного органа государственной безопасности. Может быть, действовали по схеме: Максимов — это рядовое критическое существо, боящееся высунуться, его привлекать — это всех привлекать...».

Такое едва ли не самоуничтожение (вообще говоря, характерное для Бориса) неоправданно. Кстати, в разгар гонений на мою персону (1986) не кто иной, как Борис Максимов явился — незванный — на заседание бюро отделения Советской социологической ассоциации (где предполагалось — да и состоялось! — показательное исключение меня из этой ассоциации), явился — чтобы опального Алексеева защищать. Так вот, возвращаясь к «родственной» аналогии, Борис Максимов мне как бы «брат-близнец». У каждого своя жизнь, но «родство душ» какое-то особенное, не сводимое к жизненным параллелям и пересечениям, общность жизненной позиции и масса общих черт «жизненного мира» и ценностного ядра личности.

Кому этот «комплимент» — мне или ему? Борис, скажет, что ему. Я считаю, что сделал себе комплимент.

Есть, впрочем, и различия в глубинных личностных характеристиках: Борис, пожалуй, «простодушнее», мягче, я же — более изощрен, жесток, колюч, язвителен. (Недаром в свое время проходил в оперативном деле Ленинградского управления КГБ под кличкой «Аспид»).

Но дай Бог каждому иметь в личностном ядре такой же твердый внутренний стержень, как у мягкого, сверхсовестливого Бориса. Хочется верить, что в этом мы также сходимся» [6, с. 10-12].

Ответ Алексеева может быть рассмотрен как короткое историко-социологическое эссе о людях «одной с ним крови». Я ограничусь одним замечанием, отметив, что здесь — емкие характеристики ключевых фигур (не всех) «ленинградской социологической школы», к которой, безусловно, принадлежит и сам Алексеев. Отдельно здесь смотрится москвич Б.А. Грушин, но он и по пониманию социологии, и по методологии

был очень близок ленинградским социологам. В доказательство сказанного процитирую слова В.А. Ядова из его письма (14 февраля 2013 г.): «...К тому же я знаю, что по типу характера — экстраверт, выскочка, не могу удержаться от реплики оратору, иногда не вполне уместной в данной обстановке. Нахожу самооправдание в схожести подобного поведения с Борисом Грушиным, которого любил как брата родного».[7, с.14]

Заключение

Недавно я написал большую статью об А.Н. Алексеева «Эта удивительная жизнь» [8] и разослал ее его друзьям. Выдержки из двух откликов привожу ниже.

Юло Вооглайд (Ulo Vooglaid): «Значение Андрея для нас всех, для социологии и для жизни миллионов людей этой эпохи, переоценить невозможно. Наследие Андрея — предмет ещё многих и многих исследований».

Андрей — пример гражданина».

Лариса Козлова: «... Мне так зримо вспомнился Андрей Николаевич, его работы, регулярные рассылки, персональные письма, обсуждения. Его потомственная питерская интеллигентность... Я помню его с прежней симпатией и благодарностью...».

1. Докторов Б. Скала Алексеева // Социологический журнал. 2009. №3. с. 136-157. <https://www.jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/1098/1053>.
2. Докторов Б. Человек в пути! Андрею Николаевичу Алексееву — 83! Когита.Ру. 22 августа, 2017. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/k-voprosu-o-lichnostnom-haraktere-socialnogo-poznaniya>.
3. Алексеев А. Корни и ветви (XVIII — XXI век) // В кн: Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 2/2. — СПб, 2013. http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/tom_2_2.pdf.
4. Алексеев А.Н. Рыба ищет, где глубже, а человек — где не так мелко... http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_2_2_1.pdf.
5. Алексеев А. Учителя жизни. Триптих http://cdclv.unlv.edu/archives/biographies/alekseev_triptych.html.
6. Андрей Алексеев: «Прожитыми годами не горжусь, но вrede и не стыжусь их...» // Телескоп.2014, №14. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content144655093322499file.pdf.
7. Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370>.
8. Докторов Б. Эта удивительная жизнь. К 85-летию со дня рождения А.Н.Алексеева (статья передана в сетевой журнал «Семь искусств» <http://7iskusstv.com>, в котором размещен ряд ключевых работ Алексеева).